

ДРАКОНОВЫ СНЫ

Осенний лис
Драконовы сны
Руны судьбы
Кукушка

Дмитрий Скирюк

**ДРАКО
НОВЫ
СНЫ**

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С42

Разработка серийного оформления
Марии Коняевой

Скирюк, Дмитрий Игоревич.

С42 Драконы сны / Дмитрий Скирюк. — Москва : Эксмо, 2019. — 704 с.— (Осенний лис).

ISBN 978-5-04-104917-1

Есть город возле моря, где сходятся дороги. Есть мальчик и его ручной дракон. Есть старые друзья и новые враги. И есть ещё странная игра, которая способна завязать узлом судьбу любого, кто окажется поблизости. И ничего не остаётся, кроме как признать, что тем, кто жаждет мира и покоя, всегда назначено Судьбой жить в «интересные времена». Причудливый, философский, грустный и насмешливый одновременно, второй роман о травнике Жуте, знакомом по книге «Осенний лис», завораживает своим отточенным слогом, мягким юмором и чередой узнаваемых образов. Не заигрывая, не глядя свысока, автор уведёт вас на край земли, а после приведёт обратно (если захотите). Каков он, мир в преддверии перемен?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104917-1

© Скирюк Д. И., 2019
© Оформление. «Издательство
«Эксмо», 2019

*Всякое сходство героев романа
с реальными людьми преднамеренное
и не случайное.*

ГОРОД НА ХОЛМЕ

*«Это происходит само по себе,
и я не знаю почему — судьба».*

ПЛОВЕЦ

Белый город плыл в туманном море, словно призрачный огромный сказочный корабль, белый остров в океане снов. Стены, угловые башни, черепица крыш, флажки и флюгера на острых шпилях розовели в лучах ещё не видимого солнца. Было тихо и прохладно. Город спал.

Путник, взгляду которого открылась эта картина, остановился на вершине холма, поправил мешок за плечами и долго стоял, задумчиво жуя травинку и глядя, как всплывают из туманного небытия белёсый камень стен и зеркальная гладь реки. За дальними башнями крестили небо верхушки корабельных мачт.

— Почему бы и нет? — проговорил странник и взъерошил волосы рукой.

Тишина была такая, что скрип несмазанных колёс прозвучал едва ли не кощунственно. Странник опустил взгляд — проступившие сквозь туман очертания телеги были неясными, но вполне различимыми. Левое заднее колесо её вихлялось восьмёркой, производя этот самый колодезный скрип. Возница клевал носом, соответственно и лошадь не спешила. Телега была пуста — крестьянин, продавший товар, налегке возвращался домой.

— Почтенный, — окликнул его странник, — а, почтенный!

Возница вскинулся спросонья, машинально пощупал, на месте ли кошель, и насторожённо покосился на незнакомца. Огляделся по сторонам. Туман был густ, но людей поблизости не было, и спрятаться им было негде. На разбойника парень не походил. Да и разве станет разбойник кого-нибудь почтенным величать?

Дмитрий Скирюк

В глубине души крестьянин был польщён — почтенным его называли нечасто.

Он придержал коня.

— Ну, чего? — мотнул бородой. — Чего надуть-то?

В глазах его клубилась сизая похмельная муть.

— Путь добрый, — кивнул странник. — Как называется этот город?

— Энтот? — обернулся возчик, словно городов там было несколько. — Лисс.

— Как?! — странник вскинул голову. Соломинка слетела с его губ. — Как, ты сказал?

Крестьянин аж подпрыгнул. Лошадь дёрнулась и заплясала, звякая сбруей.

— Тпр-ру-у! — он потянул за вожжи. — Чё орёшь-то? Бешеный... Лисс, я сказал! Стало быть, Лисс он и прозывается... Ну-ка, дай проехать.

Путник молча отступил на обочину, и телега покатила дальше, подпрыгивая на камнях и безбожно скрипя. Проводив её взглядом, странник снова повернулся к городу. Как раз в этот момент край солнечного диска показался над лесом. Белый город на далёком холме мгновенно окрасился розовым. Туман распался на клочки, осел в траву, исчез.

Странник прищурился, потёр небритый подбородок, присел и сорвал свежую былинку. Усмехнулся своим мыслям.

— Лисс, значит... В самом деле, — пробормотал он, не то повторяя свой вопрос, не то отвечая на него, — почему бы не здесь?

УЖ И ГАДЮКА

*«Завишу ли я от чешуи змеи,
от крыла кузнечика?»*

ТЕНЬ

— Пустите! Ай!!!

Зажатое меж узловатых пальцев стражника ребячье ухо закрутилось в винт и даже, кажется, немного

хрустнуло. Телли взвыл и завертелся, словно уж под сапогом.

— Пусти, зараза! Больно же...

— А с'час ещё больнее будет! — рявкнул на это стражник и обернулся на шум: — Сорока, мать твою! Где ты там?! Хватай паскуду!

Что-то рухнуло с телеги, брызгами взлетели черепки разбитого горшка, завизжала баба на возу, добавляя шуму в общий переполох. Ближайшая к воротам лошадь заржала, взвилась на дыбы, ударила копытами, взметая пыль. Дышло телеги лопнуло с громким треском, возчик отчаянно выругался и бросился вперёд, хватая поводья. Не ухватил, упал и вдруг попятился на четвереньках, раскорякой, разинув рот и выпучив глаза.

— Матерь Божья! — взвизгнул он, вскочил и бросился бежать.

Из-под повозки выскользнуло что-то маленькое и зелёное и вприпрыжку понеслось к воротам. Следом, растопырив руки и нелепо приседая, бежал Сорока — коренастый кривоногий бородач лет тридцати пяти, с огромным красным носом, загнутым крючком. Случайный прохожий шарахнулся прочь и спешно прижался к стене. И было отчего!

Сорока гнал дракона.

Точнее, не дракона, а дракончика. Тот был зелёный, желтопузый, трёх с небольшим локтей длины от носа до хвоста и походил бы на большую ящерицу, когда б не маленькие крылья на спине, которые, впрочем, больше мешали ему, чем помогали.

— Закрывай! Клаас, закрывай! Ах, чтоб тебя!..

У самых ворот тварь притормозила, развернулась и галопом припустила вдоль телег, распшвыривая песок и конские яблоки. Сорока поскользнулся и шлёпнулся в пыль.

— Чего ты возишься?!

— Да не поймать никак! — пропыхтел Сорока, вставая и отряхиваясь. — Уж больно вёрткий, зараза...

— Ульриха позови, чтоб тебя...

— Не троньте его! Рик, беги... ой-ёй!

Боль была ужасной. Телли стиснул зубы и проклял час, в который он решил довести двух стражников до

Дмитрий Скирюк

белого каления, увлёкся и пропустил момент, когда Рик, вторую неделю сидевший не жрамши, упёр из караулки баранью ногу, чуть не схлопотал алебардой по башке, выронил добычу и пустился наутёк, сея панику среди крестьян и возчиков. Телли бросился на помощь... и сам увяз.

По самые уши.

А с ухом и впрямь дело было худо — пальцы стражника напоминали твёрдостью олений рог. Телли уже и не пытался протестовать, лишь вяло трепыхался и повизгивал.

Дракончик тем временем выглянул из-за горы мешков с просом, растревоженный происходящим, присвистнул, растопырил крылья и... ринулся в атаку. С налёту тыкнул Клааса за икру, ещё раз — пониже спины и отскочил, прежде чем тот успел огреть его сапогом.

— Ах ты!..

Мальчишечьего уха стражник всё-таки не выпустил. Дракончик выгнул шею и подобрался для повторного броска.

И в этот миг Сорока ухватил его за хвост!

Пыль взметнулась столбом. Телли взвыл, бессильный что-либо предпринять. Зеваки попрыгали с телег и теперь наседали друг на дружку, сияясь разглядеть происходящее, а на помощь первому стражнику уже спешил второй, высокий и худой как щепка — видимо, тот самый Ульрих, за которым посылали. «Подминай, подминай его!» — шумели вокруг. Наконец Сорока встал, держа гадёныша за шею и за хвост. Дракончик извивался и шипел, раздувая бока, когти его бессильно царапали толстую кожу нагрудника.

— Куд... куды его? — пропыхтел Сорока.

— В караулку, — Клаас мотнул головой. Потянул пленника за ухо. — Шагай, чтоб тебя. Ну!

Телли волей-неволей пришлось идти следом.

«Знаем мы таких, — мрачно размышлял Клаас, потирая укушенную задницу. — Как пакостить, так первые, а как споймаешь их, так безобиднее ужей...»

Ульрих зашёл Клаасу в тыл и присвистнул.

— Эва! — он поскрёб под суконной шапочкой. — Ну ты скажи, какой гадёныш — всю говядину тебе прокусил! Слышь, Клаас, а он, часом, не того... не ядовитый, а?

— Ты эта... думай, что плетёшь! — внутренне холодея, рывкнул Клаас. — Он тут уж которую неделю ошивается, нешто с ядовитой гадиной его кто в город бы пустил? — он прислушался к своим ощущениям и уже увереннее заявил: — Не, нету яду.

— Точно, точно, — поддержал его Сорока, на всякий случай отстраняя от себя вертлявую драконью башку. — Откудова в ём яду взяться? Дракон ведь, он ведь кто? Большушша яшшерица и всё! А у яшшериц яду нету, энто кажному известно...

Приободрившись, Клаас с новой силой дёрнул парня за ухо и зашагал дальше.

«Чёрт, ну и денёк!»

— Эй, уважаемый, — окликнули вдруг его сзади.

Стражник обернулся и с неудовольствием смерил взглядом подошедшего. Нахмурился.

— Куды прёшь! — рывкнул он. — В очередь, курвин сын!

— Полегче, почтенный, — тот даже бровью не повёл. — Полегче. Скажи лучше, ворота городские здесь?

— Здесь, коль не видишь, — пробурчал Клаас.

— Видеть-то вижу, — усмехнулся тот, — да пройти не удаётся: всё толкотня да беготня... А вы мальчонку, стало быть, поймали?

— Ну, поймали.

— В караулку, стало быть, ведёшь?

— Ну, веду.

Прохожий пригладил пятернёй взъерошенные волосы.

— А за что?

— А тебе что за дело? — бросил стражник вроде безразлично, но его выцветшие, с жилкой лопнувших сосудов глаза тревожно шарили по угловатой фигуре рыжего пришельца («Где? Где? Где?»), отыскивая меч.

Меча не было.

Дмитрий Скирюк

Был нож за поясом. Был чёрный, в тоненьких прожилках посох. Была котомка за плечами, башмаки, одежда...

Не было меча.

И в то же время Клаас почему-то был уверен, что пришелец вооружён. Уж больно нагло, вольно он держался для простолюдина — не лебезил, от окрика не бегал, взятку тоже, вроде бы, совать не собирался. Патлатый, рыжий. Шрамы на виске и на руке. Штаны, рубашка, башмаки, заплатка на локте... Не рыцарь, нет. И всяко не наёмник. Но эта поза — стойка, руки, голова, нога, согнутая в колене, — сейчас метнётся вбок и... (Есть, есть у него оружие!). Шалишь, брат, нас не проведёшь! Встречались нам и такие. Беззлобный, пока на него не наступишь. Не уж, но гадюка: ужалит — умрёшь.

Клаас поднял взгляд и вздрогнул, встретившись с синими глазами незнакомца. Тьфу, что за чёрт... Разбойник, что ли?

Тот между тем окинул взглядом белую, в заплатках серой кладки, городскую стену, покосился на ближнюю башню и вновь повернулся к воротам. Суматоха уже улеглась, дракошку утащили. Телеги потихоньку двинулись вперёд. Костлявый белобрысый Ульрих встал в воротах, собирая пошлину. Кто-то поднимал упавшие мешки. Мальчишка в свою очередь тоже исподлобья разглядывал странника.

— Так в чём мальчонка провинился? — опять спросил тот.

«Горец!» — внезапно осенило стражника, и он невольно ослабил хватку, словно и впрямь углядел в прищуренных глазах холодный блеск змеиной чешуи.

— Провинился и всё, — буркнул он. — Проходи, не задерживай.

— Так-таки и не отпустишь?

— Нет.

— А может, сговоримся?

Телли благоразумно помалкивал, озадаченный. Стражник нахмурился.

— А чего нам обговаривать?

— Да так, — пожал плечами тот. Переложил посох из ладони в ладонь и сбросил с плеч котомку. — За вход в город ведь платить полагается?

— Ну, полагается.

Странник дёрнул завязки мешка. Клаас для себя решил, что ни за какие деньги он сопляка не отпустит. Вот из упрямства — не отпустит и всё. А то если каждый встречный...

Мешок распахнулся, явив на свет бутылочное горлышко, а вслед за этим и саму бутылку. Жидкость внутри была мутновато-белёсой. Одна рука у стражника была занята, пришелец сам выдернул пробку и протянул бутылку Клаасу. Тот взял, недоверчиво принялся и крикнул, уловив знакомый, сильный и приторный дух, от которого все мысли о деньгах улетучились в одно мгновение.

Шнапстойфель!¹

Клаас прикинул бутылку на вес. Чуть ли не четыре мерки водки.

Содержимое бутылки стоило по меньшей мере десяти входных обозных пошлин.

Вернуть её у стражника рука не поднялась.

— Так как? — пришелец поднял бровь. — Отпустишь?

— Ну... э-ээ... мальчишку. Без дракошки!

— Без него, — кивнул парень.

— Лады. Забирай.

Бутылка перешла из рук в руки, Телли почувствовал, как пальцы стражника разжались, шагнул и замер, потирая багровое ухо. Глянул на своего нежданного освободителя и опустил взгляд.

— Без Рика не уйду, — угрюмо сказал он.

— Топай, топай, — ухмыльнулся караульщик. — И скажи спасибо, что цел остался.

¹ Schnapsteufel (нем.) — в Средние века «чёртовым вином» в Германии называли крепкие спиртные напитки или сам спирт. Продавали его, в основном, аптекари.

Дмитрий Скирюк

— Сказал же: не уйду!

Ладонь странника опустилась ему на плечо.

— Пошли, — сказал он. — Потом поговорим.

— Ты эта... осторожней с ним, слышь, рыжий! Тот ещё пакостник... Да погоди-ка. Камень-то принёс?

— Принёс, — отмахнулся тот.

— Ну, раз так... Это... Сорока! Ульрих! Пропустите этих.

— А? — Сорока выглянул из караулки. Повёл сизым носом. — А эту... яшшуру куды?

— Тьфу, чтоб те сдохнуть! Я ж те сказал: в караулку, в лабаз! Да привяжи покрепче, чтобы не убёг.

— Нагадит же!

— Да леший с им! — теряя терпение рявкнул Клаас, махнул рукой, мол, проходите, поднял с лавки алебарду и заторопился в караулку, прижимая к сердцу вожденную бутыль.

* * *

Проникнуть в город оказалось делом не столь простым, как казалось — крестьяне и торговцы вставали в очередь ещё с вечера в надежде занять с утра на рынке лучшие места. Каждый стремился проехать первым, в воротах царила суета и давка. Троих стражников здесь явно было маловато, чтобы навести порядок, да и те, похоже, не особенно старались. Ругань, крики, ржанье и грохот колёс сливались в плотный, почти осязаемый пальцами гомон. На пяточке за воротами, где разъезжались возы, было малость просторнее, но тоже не ахти. Туда-сюда сновали перекупщики, места вдоль стен облюбовали попрошайки и лоточники. Пахло пылью, конским потом и мочой, а с севера, забивая всё, тянуло кислой гарью недавнего пожара.

У большой бревенчатой клетки, наполовину полной камнями, рыжий странник остановился, нашарил у себя в мешке такой же серый булжник, бросил его в общую кучу и только после этого двинулся дальше.

Во время недавней осады, когда турецкие войска стояли у стен, горожане покидали на головы супостату чуть ли не весь булыжник с мостовой, и теперь распоряженьем бургомистра каждый, кто въезжал в город, должен был принести с собой камень, дабы улицы возможно стало вымостить заново. Странник об этом, похоже, слышал и булыжником запасся. Что до турок, то ворваться в город им не удалось, хотя стену и ворота они попортили изрядно, а одну из северных башен и вовсе сожгли. Выгоды, правда, от пожара они не поймали — башня полыхала сутки, выгорела дотла, камни же спеклись стеклянной корочкой, от чего башня стала только крепче. Снаряды отлетали от неё горохом, а башню горожане после этого так и прозвали — Горелой. Всего же башен в стенах города насчитывалось семь: Дозорная, Речная, Башня Синей Сойки, Толстуха Берта, разумеется, — Горелая, и Башня Трёх Ключей.

Седьмую башню звали Вавилонской. Хрен её знает, почему.

Телли старался держаться рядом с рыжим странником, впрочем, без особой охоты, и без конца поглаживал и теребил распухшее ухо. Мысль о потерянном драконе не давала покоя. Уходить от ворот не хотелось.

— У, чёрт здоровый... — вслух посетовал он. — Чуть совсем не оторвал...

— Ты что натворил, а? — спросил странник.

— А тебе чего? — окрысился Телли вместо ответа. — Может, думаешь, что если за меня отдал бутылку самогонки, так сразу и купил со всеми потрохами?

— Да нет, я...

— Клюв от воробья... Отстань!

Странник усмехнулся.

— А ты, я гляжу, с норовом. А я ведь не спрашиваю, кто ты и откуда. Не спрашиваю даже, как тебя зовут, всего-то и спросил, за что попало... Ну-ка, покажи своё ухо. Хм, хрящ цел... Заживёт до свадьбы.

Телли промолчал, лишь зашипел сквозь стиснутые зубы, когда холодноватые, неожиданно ловкие пальцы странника ощупывали ухо. Ему совсем не хотелось